

П.А. Сорокин

**Символы в общественной
жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
П11

П11 **П.А. Сорокин**
Символы в общественной жизни / П.А. Сорокин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 52 с.

ISBN 978-5-458-54010-0

ISBN 978-5-458-54010-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Символы въ общественной жизни.

I.

Загадка символа.

Вѣроятно каждому въ жизни приходилось видѣть или слышать о томъ, какъ солдаты на полѣ битвы умирали за свое знамя, не желая отдать его врагу, какъ полиція преслѣдовала всякія шествія только потому, что надъ идущей толпой развѣвался красный или черный флагъ, какъ та же полиція снимала съ траурныхъ вѣнковъ красныя ленты; точно также, вѣроятно, приходилось слышать и о томъ, что рядъ предметовъ, напр., «зерцало», стоящее на столѣ суда, различные священные предметы, какъ, напр., различные идола у дикарей, религіозныя реликвіи у нѣкоторыхъ народовъ—считаются особенно священными, и особенно строго карается всякое издѣвательство надъ ними. Не будемъ перечислять пока

другіе примѣры, а остановимся на приведенныхъ и спросимъ себя: въ чемъ собственно секретъ того, что эти предметы — знамя, зеркало, священные реликвіи и т. д. — пользуются какимъ-то особеннымъ значеніемъ? Съ перваго разу можетъ показаться, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что за знамя умирають цѣлыя роты солдатъ. Но стоитъ немного подумать, и этотъ фактъ покажется довольно загадочнымъ. Въ самомъ дѣлѣ — что такое знамя само по себѣ? Да простой лоскутокъ матеріи — и только. И вотъ за этотъ-то лоскутокъ люди съ готовностью отдають жизнь, не желая видѣть его въ рукахъ непріятеля.... Равнымъ образомъ, какую опасность могутъ представлять красныя ленты траурнаго вѣнка? Развѣ это не простыя тряпки, не такія же тряпки, какъ и бѣлыя ленты, и, однако, бѣлыя ленты не срываются, а красныя срываются.

Изъ сказаннаго видно, что эти явленія, съ перваго взгляда кажущіяся само собою понятными, не такъ-то просты. Очевидно, въ нихъ кроется какой-то секретъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы думать, что солдаты умирають просто за полотнище на шесть,

что полиція срываетъ красныя ленты просто потому, что ей не нравится красный цвѣтъ. Но то и другое предположеніе абсурдно, ибо на томъ же полѣ битвы сколько тряпокъ валяется, и никто и не подумаетъ умирать за нихъ; у самой же полиціи галуны краснаго цвѣта, и полиція однако ихъ не срываетъ; а она должна была бы срывать ихъ, если бы причиной срыванія было то обстоятельство, что красный цвѣтъ ей не нравится.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣло въ приведенныхъ примѣрахъ обстоитъ нѣсколько сложнѣе, что солдаты умираютъ не просто за матерію, а за что-то иное, что заключено или что приписывается этой матеріи или красной лентѣ. Иначе говоря, знамя - матерія и лента - матерія, очевидно, — символы чего-то такого, что придаетъ имъ всю важность и все значеніе: Именно это-то «нѣчто», символизируемое знаменемъ или лентой, и заставляетъ солдатъ умирать за знамя, а полицію срывать ленты.

Этимъ самымъ мы подходимъ вплотную къ проблемѣ социальнаго символизма, которую и постараемся кратко очертить въ послѣдующихъ строкахъ.

II.

Понятіе символа.

Въ виду того, что понятіе символа и символизма употребляется различными авторами въ различномъ смыслѣ, и въ виду того, что социальный символизмъ — тема относительно новая, условимся заранѣе, что мы будемъ понимать подъ символомъ и символизмомъ, а отсюда потомъ уже само собой будетъ ясно, что такое социальный символизмъ и какую роль онъ играетъ въ нашей общественной и личной жизни.

«Символь — это конкретное представленіе, которое непосредственно вызываетъ другое представленіе, не отличающееся такой же наглядностью, какъ первое» — такъ опредѣляетъ символъ Гефдингъ. (Очерки психологіи, 151 стр.) Такъ, напр., пучекъ стрѣлъ, съ этой точки зрѣнія, есть символъ единенія, орелъ — символъ парящей мысли и т. д.

Это опредѣленіе имѣетъ свои достоинства; однако, мы не можемъ его принять вслѣдствіе его узости, а почему оно узко — выяснимъ сейчасъ.

Въ окружающемъ насъ мірѣ мы не можемъ не видѣть двоякаго рода

явленій, а именно, явленій душевныхъ или психическихъ, и не-психическихъ или, какъ обычно обозначаются послѣднія, матеріальныхъ. Не вдаваясь здѣсь въ излишнія тонкости, обратимъ наше вниманіе на одну черту, рѣзко различающую другъ отъ друга эти два класса явленій. Вотъ передъ нами камень («матеріальный предметъ»). Онъ имѣетъ извѣстную форму, скажемъ кубическую, извѣстный вѣсъ, занимаетъ опредѣленное пространство, имѣетъ извѣстныя физическія и химическія свойства и т. д.; однимъ словомъ — онъ веществененъ. Иначе дѣло обстоитъ съ душевными явленіями, въ частности съ мыслью. Представимъ себѣ, что мы думаемъ сейчасъ о томъ, что $2 \times 2 = 4$. Если внимательно углубимся въ эту мысль, то мы увидимъ, что сама по себѣ мысль $2 \times 2 = 4$ не имѣетъ ничего матеріальнаго или вещественнаго. Мы не можемъ сказать, гладка или шероховата эта мысль, какого она цвѣта, четырехугольная она или круглая, тверда или мягка; не можемъ далѣе мы сказать о ней и, какой вѣсъ этой мысли, каковы ея химическія и физическія свойства, а равнымъ образомъ, гдѣ находится эта

мысль и какое пространство она занимает. Обычно говорятъ, что она находится въ головѣ; но гдѣ, сверху или снизу, съ праваго боку или съ лѣваго виска; — мы не знаемъ этого; мало того, по существу нельзя говорить даже, что мысль находится въ головѣ. Пусть самый знаменитый анатомъ разрѣжетъ мозгъ на мельчайшія пылинки, и все-же эту мысль — $2 \times 2 = 4$ — онъ не найдетъ и не сможетъ указать, гдѣ она находится. Выходитъ, такимъ образомъ, что мысль — безплотна, что она — «чистый духъ» и, какъ таковой, не обладаетъ никакой вещественностью и ея признаками. Иначе говоря, мысль есть чистая мысль — таково ея тавтологическое опредѣленіе.

Но если она безплотна, если мы ее ни измѣрить, ни ощупать, ни взвѣсить, ни въ реторту положить не можемъ, то, можетъ быть, ея вовсе нѣтъ? — И этого нельзя сказать, ибо въ чемъ другомъ, а въ существованіи мысли мы менѣе всего можемъ сомнѣваться, ибо само уже сомнѣніе въ существованіи мысли есть мысль.

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ детали, мы приходимъ къ заключенію,

что мысль безплотна, невещественна, внѣпространственна, не имѣетъ никакой пространственной формы, ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ и т. д., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она несомнѣнно существуетъ.

Запомнимъ это и пойдѣмъ дальше, а именно, спросимъ себя: а что, если бы вздумали не только мыслить $2 \times 2 = 4$, а и передать эту мысль другому? Какъ это было бы возможно?

Передать другому камень легко, взявъ въ руки и передалъ въ руки — и дѣло сдѣлано. Но мысль вѣдь не камень, она, какъ мы сказали, невещественна, неосязаема и т. д. Слѣд., передать мысль непосредственно какъ чистую мысль — нельзя. Чтобы можно было ею подѣлиться, она должна «облечься» въ тѣ или другія «вещественныя» одежды. Иначе говоря, она можетъ быть передаваема и, такъ сказать, обнаруживаема во внѣ лишь тогда, когда она приметъ «материально-вещественную» оболочку. Напр., такой оболочкой для мысли можетъ быть слово (совокупность звуковыхъ комплексовъ), или же письменный знакъ, или же тѣ или иныя дви-

жеиія (мимика и жесты) и т. д. Вотъ эти-то внѣшнія формы, въ которыя облекается всякая мысль и всякій сознательный актъ, мы и будемъ называть символомъ. Какъ видно изъ сказаннаго, символъ — это лишь внѣшняя «матеріальная» оболочка внутреннихъ сознательныхъ и «нематеріальныхъ» актовъ. Гдѣ нѣтъ мысли — нѣтъ и символовъ. Гдѣ есть мысль — тамъ всякое ея обнаруженіе необходимо будетъ символомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мысль $2 \times 2 = 4$ и сами эти значки $2 \times 2 = 4$, символизирующіе ее, не одно и то же.

Что это не одно и то же, видно хотя бы изъ того, что значки мы можемъ перемѣнить, но мысль останется той же. Вмѣсто символовъ $2 \times 2 = 4$, мы ту же мысль можемъ обозначить и такими значками: II . II = IV. Ту же самую мысль можно выразить и словами: «дважды два = четыре». По-нѣмецки слова будутъ иныя, а мысль останется той же... Значитъ, для всякаго своего проявленія мысль нуждается въ овеществленіи, и эти то внѣшнія формы, въ которыхъ обнаруживается мысль, и будутъ символами. Та-

ково наше опредѣленіе символовъ.

Само собой разумѣется, что эти внѣшнія оболочки мысли могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Предположимъ, что я мыслю сейчасъ о томъ, что «земля вращается вокругъ солнца». Эту мысль я могу обнаружить путемъ словъ. Слѣдовательно, вся человѣческая рѣчь есть сплошная символика, какъ справедливо уже было доказано Гумбольдтомъ, а у насъ — Потемней. Ту же мысль мы можемъ изобразить знаками, напр., такимъ рисункомъ . Это будетъ нѣчто въ родѣ іероглифической письменности. Или же можно ту же мысль написать рядомъ знаковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго алфавита и т. д. Можемъ то же выразить, и жестами, на подобіе жестовъ глухонѣмыхъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ «невещественная» мысль для обнаруженія во внѣ требуетъ вещественныхъ знаковъ; эти-то вещественные знаки и будутъ символами. Безъ символовъ мы въ лучшемъ случаѣ кое-что можемъ мыслить, но обнаруженіе «безплотной» мысли вовнѣ безъ символовъ — невозможно. Всякое обнаруженіе мысли или

проявленіе ея во внѣ есть уже необходимо символъ, ибо сама мысль и способъ ея обнаруженія не можетъ быть однимъ и тѣмъ же. Тѣ мысли, которыя содержатся въ какой-нибудь книгѣ, и сама эта книга, какъ совокупность листовъ бумаги и черныхъ значковъ, — не одно и то же. Напр., совокупность этихъ значковъ такова: «Земля вертится вокругъ солнца». Ясно, что значекъ «земля» или „la terre“ или „die Erde“ и сама мысль о землѣ, какъ громадномъ шарѣ съ морями, съ горами и т. д. — не одно и то же. То же относится и къ значку «солнце» или „die Sonne“ или „le soleil“. Значки различны — а мысль одна.

Итакъ, коротко говоря, — «символъ есть значекъ мысли». Гдѣ есть мысль — тамъ есть и символы. А такъ какъ общественная жизнь людей есть жизнь психическая, гдѣ мыслительные процессы совершаются непрерывно, какъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и во многихъ людяхъ, и такъ какъ обмѣнъ мыслями, чувствами и переживаниями совершается въ человѣческомъ мірѣ безпрестанно — то отсюда слѣдуетъ, что общественная или социальная жизнь лю-